

«ФИЛОСОФИЯ» РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ЛЕСОЗАГОТОВОК

Лариса Вячеславовна ЗАБРОВСКАЯ,
кандидат исторических наук

«Какова ваша философия, тактика и стратегия?» — спросил Хрущев у Мао Цзэдуна. — «Видите морского трепанга на этом блюде?» — в свою очередь спросил председатель Мао. — «Я отправляю его в рот костяными палочками, пережевываю и проглатываю. После этого у трепанга один выход. Так во всем остальном. Это наша философия, тактика и стратегия»¹.

После подписания 15 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем отношения между двумя странами находятся на подъеме: по политическим вопросам точки зрения сторон сходятся, в основном решены пограничные проблемы, экономические связи крепнут, и ничто не омрачает перспективы взаимоотношений. Впрочем, великий

кормчий также говаривал, что «перспективы бывают светлые, да путь к ним извилист».

Китайская экономика сейчас находится на подъеме. Это привлекает зарубежных инвесторов, торгово-экономических партнеров. Если россияне теснятся в Пекине со своими предложениями о продаже нефти, газа, вооружения, технологий и т. п., то китайцы приходят на российский рынок с ограниченным количеством предложений. В последние годы из всех сфер российско-китайского экономического сотрудничества для Китая представляется наиболее привлекательной покупка сибирского хвойного леса, который в 2—3 раза дешевле канадского или новозеландского, но по качеству не уступает последним. Китайских лесоимпортеров подстегивает и решение своего правительства, которое, заботясь об экологии и интересах будущих китайских поколений, на 20 лет запретило промышленную рубку лесов на всей территории Китая.

В результате такого мудрого решения китайского руководства появилось много социально-экономических проблем у миллионов китайских лесозаготовителей, оказались под угрозой закрытия деревообрабатывающие и целлюлозные комбинаты в южных провинциях Китая. Некоторый выигрыш от этой ситуации получили лесозаготовители и переработчики Северо-Восточного Китая, так как смогли расширить автомобильную перевозку сибирского леса на свои предприятия.

Однако все попытки лесозаготовителей и руководителей целлюлозных комбинатов из южных провинций Китая перебазировать свое производство к месту добычи сырья, т. е. в российскую Сибирь, благополучно застревают в кабинетах пекинских бюрократов, хотя представители китайского бизнеса и действуют строго в рамках Российско-китайского межправительственного соглашения о совместном освоении лесных ресурсов Сибири, заключенного в Пекине 3 ноября 2000 г. сроком на 5 лет².

Это соглашение предусматривало привлечение китайского капитала, труда и технологий для переработки на месте и дальнейшей продажи готовой продукции на китайский рынок. В ходе подписания соглашения китайцы официально заявили о своем намерении дополнительно к 4,5 млн. куб. м леса ежегодно получать еще 2,5 млн. куб. м, а к 2005 г. довести российские лесопоставки до 15 млн. куб. м.

В настоящее время железнодорожным транспортом через станции Маньчжурия, Эрлян и Суйфэньхэ ежедневно перевозится 200 вагонов леса — больше технически невозможно. Китайская сторона не предпринимает попыток наращивать железнодорожные перевозки, но расширяет возможности автоперевозок. В этих целях на китайские деньги и китайскими руками в 2001 г. был построен первый автомобильный мост через р. Аргунь (между пунктами Олочи — Шивэй), который связал лесные ресурсы Читинской области и деревообрабатывающую промышленность Северо-Восточного Китая.

Действуя в рамках соглашения о лесозаготовках, в августе прошлого года руководство южной пров. Фуцзянь предложило Томской области развернуть в местных лесах целлюлозный завод мощностью 100 тыс. т целлюлозы в год. Выгодность для томичей этого предложения состояла в том, что в про-

изводство целлюлозы идет не деловая древесина, а отходы валки и распиловки, что вдвое повышает рентабельность лесозаготовок и ведет к безотходному производству. Однако этот проект был заблокирован в Пекине в ходе согласования.

Также без видимых причин был остановлен проект Шаньдунской корпорации бумажной и печатной продукции по созданию на Усть-Илимском ЛПК российско-китайского производства целлюлозы в объеме 1 млн. т ежегодно, под которое шаньдунцы предлагали 350—500 млн. дол. в качестве инвестиций³. И дело тут не в особом крохоборстве пекинских бюрократов. Хотя эти проекты по глубокой переработке сибирской древесины с коммерческой стороны довольно выгодны для Китая, но опасны своими социальными последствиями, так как грозят оставить без работы не только лесорубов северных провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, но и других участников китайского рынка по деревообработке и дальнейшему превращению российского хвойного леса в строительные и отделочные материалы, мебель, картон и бумагу. Поэтому китайская сторона вынуждена балансировать, проявлять достаточную заинтересованность в сибирском лесе, но и делать все, чтобы цены закупки оставались на низком уровне как можно дольше. В этом и состоит «китайская философия» лесозаготовок.

Статистические данные последних лет свидетельствуют, что китайский импорт древесины остался на прежнем уровне — в 2001 г. импортировано на 1,523 млрд. дол. (рост на 0,7 %), а стоимость импорта бумажной массы составила 1,884 млрд. дол. (снижение на 4,9 %), бумаги и картона — 2,801 млрд. дол. (снижение на 8,2 %)⁴. Эти данные говорят о том, что китайские власти пытаются компенсировать запрет на промышленную рубку леса путем загрузки своих промышленных мощностей вторсырьем. Более того, чтобы воспрепятствовать несанкционированной рубке леса на дрова и хозяйственные нужды населения, китайские власти начали строительство малых ГЭС на небольших реках. По мнению китайских экономистов, наличие дешевой электроэнергии будет побуждать китайское население готовить пищу не на дровах, а на электроплитках.

Руководство Китая приняло для себя единственно правильный, по его мнению, план — сведение всех закупок леса в России к импорту кругляка и вывозу его автотранспортом прямо с лесосек, что исключает любые траты на перегрузку и налоги на российской стороне границы.

Иными словами, китайский рынок лесоматериалов органы власти нацеливают на импорт той древесины, которая требует доработки и превращения в более дорогостоящую продукцию путем использования дешевой китайской рабочей силы в целях создания добавочной стоимости. Затем до четверти продукции китайской переработки российского леса реэкспортируется в другие страны Восточной Азии, главным образом в Японию, где за последние десять лет спрос на пиломатериалы вырос в три раза. При этом деревообрабатывающая промышленность российского Дальнего Востока не может самостоятельно завоевать японский рынок пиломатериалов ввиду того, что не в состоянии обеспечить высокое качество своей продукции, отвечающее запросам японского рынка.

В последние 5—6 лет наблюдается бурный рост деревообрабатывающей промышленности пров.Хэйлунцзян. Ряд новосозданных предприятий, как на-

пример, «Наха Вуд», «Ланчиан Вуд», «Сан Ган Линг», «Синь Цзян Вуд», способны переработать 600 тыс. куб. м древесины в год. Эти предприятия, созданные для переработки российского «кругляка», обеспечили появление 2 млн. новых рабочих мест⁵ на деревообрабатывающих предприятиях Северо-Востока Китая. По наблюдениям экспертов Приморского отделения Всемирного фонда дикой природы (WWF), «приморский лесной рынок полностью монополизирован китайцами, которые диктуют цены, расплачиваясь «наличкой». В Приморье действуют три подпольных китайских банка, обслуживающих китайский лесной бизнес... В частных беседах китайцы открыто заявляют: «Мы идем сюда потому, что Приморье не нужно России»⁶.

Китай является не только рачительным хозяином своих лесных угодий, но и нещадно борется со своими лесными браконьерами, строго преследуя их по закону: только в 2001 г. из 37 осужденных браконьеров 17 были расстреляны. Китайская таможня поощряет ввоз российского «кругляка» минимальными пошлинами, российская же поступает диаметрально противоположно, что в итоге дает 90 процентный экспорт в Китай необработанного леса.

Получается, что благодаря вышеуказанному соглашению о «совместном освоении лесных ресурсов» Сибири произойдет снижение себестоимости кругляка на российской территории, но отнюдь не скажется на повышении цены продажи для российских экспортеров, которые получают только стоимость платы за лес на корню, а российская таможня — минимум пошлины, так как за вывоз леса в Китай сухопутным путем на импортеров распространены в отличие от морского вывоза налоговые льготы в размере 50 % НДС. Результат парадоксален: при росте китайской заинтересованности в российском хвойном лесу и расширении поставок цена на него не растет, а падает до 34—40 дол. за куб. м. И это несмотря на то, что в целом мировые цены на хвойный лес остаются на уровне 100—140 дол. за куб. м и потребность в российском лесу постоянно возрастает.

Такие закупочные цены приводят к упадку лесной отрасли российской экономики. За последние десять лет «либеральных реформ» объем лесозаготовок упал в три раза, износ техники составил около 80 %, инфраструктура устарела. Отсюда эффективность экспорта снизилась до 4 млрд. дол. ежегодно, что ниже его возможности в 5—6 раз.

Беда российских лесозаготовителей состоит в том, что на всех переговорах с китайцами они представлены разрозненно, у России нет единой концепции лесного экспорта. Китайцы же централизованно координируют свои действия и неукоснительно подчиняются указаниям пекинских правительственных чиновников, которые руководствуются общекитайскими государственными интересами и отнюдь не служат орудием лоббирования выгод отдельных групп китайских бизнесменов. Тем не менее раз ситуация складывается так, что российский лес остро необходим китайской промышленности, то российским лесозаготовителям грех не воспользоваться складывающимися обстоятельствами.

Цены на российский лес можно поднять путем выхода российских лесопромышленников непосредственно на всекитайскую лесную биржу в Фучжоу, где складываются конечные цены на всю китайскую деревопродукцию. Таким

путем можно обойти региональный тормоз китайских приграничных провинций. Необходимо настаивать на переносе глубокой переработки леса на территорию России и экспортировать в Китай полуфабрикаты и готовую продукцию. Это поможет выправить перекосы ценообразования. Российским экспортерам не стоит спешить с открытием дополнительных пунктов пропуска леса, а выдержать паузу и поднять цены на свой лес до мирового уровня. Ясно, что сделать это будет нелегко, так как конкуренция между российскими лесозаготовителями за китайских покупателей сильнее чувства самосохранения и будущей выгоды.

Российская таможня в свою очередь могла бы поспособствовать росту цены на лес путем повышения минимума пошлины с 2,5 евро за куб. м, что опускает цены на экспортируемый лес до 34 дол. за куб. м, хотя бы в два раза. Это автоматически повысит коммерчески выгодную для российских экспортеров стоимость кубометра леса до 70 дол. От такого повышения пошлин контрактные цены вырастут, но не скажутся на себестоимости российских заготовителей.

Можно было бы пойти другим путем и, используя федеральные органы, ежегодно вычислять и устанавливать среднюю рыночную цену на экспортируемый лес, обязав таможню не пропускать экспортируемый лес в Китай по цене, ниже фиксированной. При этом можно было бы отменить пошлины, дабы не вводить в искушение таможенных чиновников, а ограничиться взиманием 20 % НДС в рублях с экспортеров, что, несомненно, повысило бы доходы бюджета. В противовес российской китайская таможня берет со своих импортеров леса 17 % НДС в юанях, так как заботой китайского правительства является не оборот долларов, а стабильность юаня.

Российским экспортерам леса необходимо уходить от кустарных методов лесозаготовок. К сожалению, наше государство не проявляет попыток создания крупных государственных лесозаготовительных компаний, обладающих достаточным капиталом для инвестиций в технику валки леса, переработку древесины, лесовосстановительные работы. Коль скоро Китай является наиболее заинтересованным партнером в получении российской древесины, необходимо воспользоваться желанием китайских деревообработчиков из южных провинций завязать взаимовыгодные контакты с сибирскими лесозаготовителями и постепенно выправить дисбаланс в российско-китайском сотрудничестве по деревопереработке.

¹ Эксперт. Москва, 2001. № 27. 9 июля.

² Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 гг. М.: Международные отношения, 1999. С. 151—152.

³ Завтра. 2001. № 48. С. 4.

⁴ Жэньминь жибао. 2002. 22 января.

⁵ Степанюк Е. Нужна ли правительству приморская тайга? Утро России. Владивосток. 2002. 7 марта. С. 2.

⁶ Там же.

Summary: Candidate of Historical Sciences Larisa Zabrovskaya in her article «Philosophy» of Russia—China Logging» analyzes the specificity of Russia—China logging. The author describes the competitiveness of products of Russian forestry. The basic causes of low competitiveness are revealed, ways of its increasing are outlined.